

ДОКУМЕНТЫ И МЕМУАРЫ

ОТ БРЯНЩИНЫ — НА ПРИБАЛТИКУ

Генерал армии **М. И. КАЗАКОВ**

Казаков Михаил Ильич — видный военачальник Советской Армии. Родился 9 октября 1901 г. Великая Отечественная война застала его в должности начальника штаба Среднеазиатского военного округа. С января 1942 г. находился в действующей армии сначала в должности начальника штаба фронта (Брянского и Воронежского), затем заместителем командующего войсками Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов. Командовал 69-й и 10-й гвардейской армиями. В послевоенные годы — начальник штаба округа, командующий войсками округа, командующий Южной группой войск. С ноября 1965 г. — начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора. Кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР.

Публикуем отрывок из подготавливаемой М. И. Казаковым книги воспоминаний. — Ред.

Лето 1943 г. было насыщено военными событиями огромной важности. Советская Армия в ходе ожесточенных боев нанесла ряд сокрушительных ударов по врагу. В сентябре 1943 г. успешно завершалась Орловская наступательная операция, проведенная войсками Брянского, Западного и Центрального фронтов.

Понемногу начала проходить естественная возбужденность, схватившая личный состав наших танковых бригад и кавалерийских дивизий несколько дней назад при выходе к р. Сож.

С большой неохотой нам пришлось остановиться на этом водном рубеже, а после передачи своего участка фронта в районе Ветка подошедшим войскам 63-й армии нашего фронта подразделения подвижной группы сосредоточились в лесах северо-восточнее города Ветка. Через несколько дней подвижная группа распалась на составные части, а ее штаб по вызову командующего фронтом генерала армии М. М. Попова прибыл в г. Унечу. Здесь мы застали командующего Центральным фронтом генерала К. К. Рокоссовского и несколько генералов из штаба этого фронта. Через несколько минут нам стало известно, что все войска Брянского и Центрального фронтов будет объединять одно фронтовое управление Центрального фронта, а нашему управлению фрон-

та с некоторым количеством войск предстоит перемещаться на другое операционное направление.

Из этой ориентировки мне не удалось узнать ни направления, на каком придется действовать в будущем, ни тем более задач, какие могут быть возложены на нас. Пока ясно было одно, что мне со всем составом штаба подвижной группы и небольшим количеством радиостанций предстоит двигаться в Москву, в Генштаб, по знакомым дорогам через Брянск, Орел, Тулу. По этим дорогам с победными боями прошли наши войска от Мценска до р. Сож летом 1943 г., и вот теперь мы двинулись на машинах в путь, в столицу нашей Родины.

Из Унечи до Москвы путь длинный. Есть время для воспоминаний и размышлений. Особенно свежи в памяти главные боевые дела лета 1943 г.— Курское сражение и Орловская наступательная операция.

В начале Курского сражения войска нашего Брянского фронта не участвовали в боевых действиях, а готовились к наступлению в своих районах. А потом, несколько позднее, когда в ходе Курского сражения был основательно надломлен «хребет» полкам и дивизиям наступавшей танковой группы немцев в районе Прохоровки, а хваленые «тигры» и «пантеры» обломали зубы на наших советских танках и артиллерии, начался мощный, сокрушающий удар войск Западного, Брянского и Центрального фронтов в районе Орла. В этом наступлении несколько армий Брянского фронта прорвали оборону противника в районах к северу и югу от Мценска и в тесном взаимодействии с частями 11-й гвардейской армии Западного фронта громили крупную Орловскую группировку немецко-фашистских войск.

Вспоминая сражение на Курской дуге, мы снова подвергали анализу решения некоторых командных инстанций наших фронтов и действия советских войск в этом замечательном, победоносном для нас сражении.

Мы отчетливо представляли, что и вклад войск Брянского фронта в разгром противника летом 1943 г. был также значительным. В ходе Орловской наступательной операции они разгромили сильную группировку немецко-фашистских войск и отбросили ее остатки далеко на запад. На завершающем этапе наступления мы неотступно преследовали противника, уничтожая его резервы, продвинулись до рубежа р. Сож и вступили на белорусскую землю. В ходе преследования успешно наступали части нашей подвижной группы.

Мы хорошо помнили сложность наступления в те дни для наших войск. Вследствие упорного сопротивления врага пехота и танки, наступавшие в первом эшелоне, несли значительные потери и создавалась опасность, что наступление войск Брянского фронта может вообще «захлебнуться», если не ввести свежие силы.

Танковая армия Рыбалко, находясь во втором эшелоне фронта, по плану операции готовилась начать наступление, когда будет завершён прорыв первой тактической полосы обороны противника, чтобы использовать простор для маневра и развивать успех наступления. Правда, в армиях, наступавших в первом эшелоне, было достаточно стрелковых дивизий, но у них не было танков и они не могли дать высокий темп в наступлении.

Мы отдавали должное полководческому мастерству командующего фронтом генерала М. М. Попова, который в сложной обстановке наступательной операции, когда могло сорваться ее дальнейшее развитие, а все усилия войск, вложенные в подготовку и выполнение тактического прорыва, оказаться напрасными, нашел правильное решение, а Павел Рыбалко прекрасно организовал выполнение этого решения. Танкисты мощным ударом завершили тогда прорыв тактической обороны противника и развили стремительное наступление в оперативную глубину, выполняя основную задачу танковой армии...

Но главное, что занимало нас сейчас, по пути в Москву,— это вопрос о дальнейших задачах войск нашего фронта и месте их действий.

За период работы с января 1942 г. по сентябрь 1943 г. на центральном направлении в составе Брянского и Воронежского фронтов мне удалось неплохо изучить операционное направление южной части Белоруссии и северной части Украины, и вот

теперь, когда наше управление фронта высвобождалось от выполнения задач на своем направлении, вполне естественным казалось, что нам предстоит переместиться к югу — на Украину. Однако предположения предположениями, но зачем гадать? Подождем немного,—решаем мы. Москва близко, а там в Генеральном штабе все узнаем. Итак, торопимся поскорее попасть в Генштаб.

По всем данным, в Москве нам предстояла небольшая остановка: мне надлежало получить в Генштабе ориентировку о новых задачах войск нашего фронта и указания о работе нашего Вспомогательного пункта управления на ближайшее время. Основной разговор должен был состояться с заместителем начальника Генштаба генерал-полковником Антоновым Алексеем Иннокентьевичем. Так и произошло.

В начале нашей встречи А. И. Антонов попросил меня рассказать о некоторых эпизодах из боевых действий войск Брянского фронта в августе — сентябре, и в частности о последнем периоде наступления между реками Десна и Сож. Он особо интересовался боевыми действиями нашей подвижной группы на заключительном этапе операции. Кстати говоря, в оперативном управлении Генштаба имелись довольно скудные данные об этих действиях. В боевых донесениях и оперативных сводках фронта освещался общий ход наступления армий Брянского фронта, а о нашей подвижной группе в них сообщалось весьма скупо.

Как я понял из вопросов Алексея Иннокентьевича, Генеральный штаб интересовали не только оперативные результаты боевых действий частей подвижной группы, но и метод, который они применяли при выполнении боевых задач. Как-никак этот импровизированный организм, к тому же наспех созданный, в операции преследования «Брянской» группировки противника зарекомендовал себя весьма положительно. Наступая впереди частей общевойсковых армий или на стыке двух армий, танковый и кавалерийский корпуса группы не позволяли противнику оторваться от нас и организовано занять оборонительный рубеж. Наши части вынуждали противника вести непрерывные бои своими артергардными частями и частенько развертывать дивизии из главных сил, облегчая нашим общевойсковым армиям задачу врываться на плечах отходящего противника в его оборону на промежуточных рубежах и вынуждать к дальнейшему отходу.

Мой короткий доклад был с удовлетворением принят Антоновым, и как-то незаметно он перевел разговор на другую тему — о предстоящих боевых действиях советских войск в осенне-зимний период 1943—1944 гг.

В сжатых, четких формулировках Алексей Иннокентьевич сказал мне, что управление нашего Брянского фронта перебрасывается в район Великих Лук для решения больших и ответственных оперативно-стратегических задач в осенне-зимнюю кампанию. Наше фронтовое управление должно будет в этом районе возглавить войска вновь создаваемого фронта на стыке Волховского и Калининского фронтов. Далее Алексей Иннокентьевич рассказал, что состав нашего нового фронта будет весьма значительный: в него будут включены все войска из Калининского фронта, которые действуют в районах Насва, Великие Луки, Невель, а также несколько армий, прибывающих в эти районы из резерва Ставки. Такая перспектива для нашего фронта являлась для меня полной неожиданностью, и поэтому нелегко было мне воспринять ориентировку генерала Антонова о том, что штабу нашего фронта предстоит управлять войсками на северо-западном операционном направлении.

Из беседы мне стало ясно, что наступила очередь активных наступательных действий советских войск в Прибалтике. За летнюю кампанию 1943 г. советские войска добились крупных успехов на западном и юго-западном направлениях, и теперь, в осени 1943 г., наше Верховное Главнокомандование получило возможность уделить больше внимания северо-западному направлению с тем, чтобы разгромить противника под Ленинградом и освободить Прибалтику.

Из беседы я понял также, что при развертывании новой группировки войск мы должны были несколько «потеснить» к югу Калининский фронт, который до нашего прибытия объединял боевые действия 3-й и 4-й ударных, 22-й и 43-й армий, действовавших в данном районе.

А. И. Антонов не сразу «открыл карты». Сначала в очень осторожных выражениях он привел лишь общие данные о будущем составе войск фронта, уклоняясь от ответов на мои прямые вопросы. Понемногу «раскрываясь», в конце беседы он особо доверительно сообщил, что в состав нашего нового фронта Ставка предполагает передать все войска 22-й и 3-й ударной армий, которые в данное время ведут боевые действия на фронте Локня — Великие Луки — Невель. Основной же состав войск в наш фронт будет прибывать из резерва Ставки и по плану Генерального штаба будет сосредоточен в октябре в районе Великих Лук. В числе этих войск Алексей Иннокентьевич назвал известную мне 11-ю гвардейскую армию, которая в Орловской наступательной операции действовала сначала в составе Западного фронта, а на втором этапе операции была передана в состав нашего фронта. Теперь войска этой армии находились в резерве Ставки. А. И. Антонов назвал еще ряд соединений, которые должны прибыть к нам из состава бывшего Брянского фронта, в том числе артиллерийский корпус прорыва, танковый корпус и 14-ю армию.

В ходе этой короткой беседы-ориентировки для меня стала проявляться высокая оперативно-стратегическая цель, ради которой Ставка создает такую крупную группировку войск в районе Великих Лук. Как всякий военный, я с большим удовлетворением и воодушевлением принимал указания А. И. Антонова о больших оперативно-стратегических перспективах нашего фронта и старался более твердо усвоить ближайшую задачу нашей группы ВПУ по проведению некоторых организационных мероприятий для обеспечения работы командного пункта фронта на новом операционном направлении.

По разъяснению А. И. Антонова, в задачу нашей группы штаба входило изучение обстановки в полосе действий 22-й и 3-й ударной армий Калининского фронта в районе Насва — Великие Луки — Невель и ознакомление с состоянием войск этих армий. Мне разрешалось встретиться с командующими этих армий и ориентировать их о предстоящем переподчинении армий нашему управлению фронта.

После получения оперативной ориентировки и личного напутствия А. И. Антонова наша группа двинулась в путь. До Торжка мы следовали по хорошему Ленинградскому шоссе, а далее наш путь проходил по фронтовым, очень тяжелым для движения «лежневым» дорогам через Селижарово, Пено, Торопец, Кунья — ближе к району командного пункта Калининского фронта. По прибытии на место мы разместили нашу группу в лесу, в 20 километрах к юго-востоку от Великих Лук.

Мне было весьма приятно встретить здесь, в блиндаже, вблизи Великих Лук, своего старого сослуживца, командующего войсками Калининского фронта генерала Еременко Андрея Ивановича и вспомнить наши прошлые встречи. Он подробно рассказал мне об общей обстановке в районе Великие Луки — Невель и поделился радостью недавней успешной наступательной операции, проведенной войсками 3-й ударной армии в районе Невеля. Действительно, это была на редкость удачная частная операция, проведенная небольшим количеством войск. Она была хорошо задумана, разработана и проведена под твердым и умелым руководством командующего армией генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого. Пожалуй, главным условием, обеспечившим успех этой операции, была полная внезапность удара наших войск. Немаловажное влияние на успех операции имела также слабость группировки противника в Невельском районе, где нашими войсками не велось активных действий с зимы 1942—1943 гг.

Короткой беседой с начальником штаба фронта генералом В. В. Курасовым, моим «однокашником» по Академии Генштаба, завершился мой визит к командующему Калининским фронтом, и я поспешил возвратиться в свой штаб, чтобы поскорее встретиться с командующим 3-й ударной армией Кузьмой Никитичем Галицким и командующим 22-й армией генералом В. А. Юшкевичем.

После довольно подробного рассказа о Невельской операции К. Н. Галицкий с увлечением показал мне на карте, какая благоприятная обстановка для наших войск создавалась в данном районе. Штаб 3-й ударной армии тогда считал, что к западу от Невеля у противника были слабые силы, да и оборонительных рубежей на данном

направлении у него также подготовлено не было. Такая оценка обстановки полностью соответствовала фактическому положению и поэтому так убедительно говорил Галицкий о благоприятных условиях, сложившихся в районе Невеля для наступательных действий наших войск, но у командующего армии не было сил для проведения наступательных операций. Единственно, о чем он мог мечтать в начале октября, рассчитывая только на силы своей армии,— это о наступлении с ограниченными целями. Для таких действий он мог «изыскать» у себя в армии пару соединений и собрать артиллерию для создания небольшой огневой плотности.

Чтобы не огорчать Кузьму Никитича и не снижать его «оптимистического накала», я порекомендовал ему «вынашивать» свои соображения о проведении наступления и доложить их командующему фронтом, как только он прибудет. В соответствии с полномочиями, имевшимися у меня, пришлось «открыть карты» Галицкому и сугубо доверительно ориентировать его о предполагаемом прибытии нового штаба фронта и предстоящей передаче 3-й ударной армии в состав этого фронта.

На следующий день мне удалось побывать у командующего 22-й армией генерал-лейтенанта Юшкевича. Наша встреча была исключительно теплой и трогательной. Знали мы друг друга издавна, еще с 1921 г. Василий Александрович командовал тогда 21-м стрелковым полком в 3-й Крымской стрелковой дивизии, а мне пришлось в этом полку работать секретарем партбюро. В. А. Юшкевич тогда заметно выделялся в среде командиров частей. Используя свою военную подготовку и опыт работы, полученные в старой русской армии, он прививал в полку твердый воинский порядок и организовывал хорошую боевую подготовку подразделений полка. Вторично мы встречались несколько раз в 1932—1935 гг. на Украине. В. А. Юшкевич тогда командовал 100-й стрелковой дивизией, части которой много раз участвовали в совместных учениях с войсками нашего 2-го кавалерийского корпуса. Тогда мне удалось еще раз довольно близко наблюдать и знать работу Василия Александровича. Части 100-й дивизии выделялись хорошей подготовкой и организованностью. Особенно успешно действовали они на маневрах в 1934 и 1935 гг. В обоих случаях они были нашими «противниками» и доставляли нам — кавалеристам 2-го кавкорпуса — много неприятностей и хлопот в бою: они умело и упорно оборонялись, а иногда наносили кавалеристам довольно сильные, стремительные удары, причем маневрировали стрелковые полки этой дивизии в высоких темпах.

В разговорах мы засиделись до поздней ночи.

Встреча с В. А. Юшкевичем прошла с большой пользой. Контакт нашего штаба со штабом 22-й армии был установлен довольно прочно. Особенно ценным было то, что мы получили подробную информацию о составе и группировке противника перед войсками 22-й армии, в районе Новосколынки.

Перед войсками 22-й армии на фронте Локня (фронт проходил в 20 км восточнее Локни) — оз. Малый Иван протяжением 120 км оборонялись части четырех дивизий противника со средней плотностью 30 км на дивизию. В полосе 22-й армии с зимы 1942/1943 гг. активных боевых действий не велось. Группировка наших войск имела, примерно, такую же небольшую плотность, как и противостоящие войска противника.

В целом полоса обороны 22-й армии считалась довольно спокойным участком на Калининском фронте. Только изредка наши части проводили боевую разведку — по-прежнему с целью захвата пленных, да несколько повышенную активность проявляли они в полосе 22-й армии в период подготовки и проведения Невельской наступательной операции войсками 3-й ударной армии.

* * *

Октябрь внес значительное оживление в деятельность советских войск в районе Великие Луки — Невель. Ставка Верховного Главнокомандования предполагала начать зимнюю кампанию здесь еще в осенние месяцы 1943 г. Этим объяснялись мероприятия Генштаба по ускорению перевозки войск, предназначенных в состав нового

фронта, который получил название Прибалтийского. В него включалось до 40 стрелковых дивизий, артиллерийский корпус прорыва, танковый корпус и воздушная армия. Все войска фронта имели хороший руководящий состав. Гвардейскими армиями командовали: 6-й — генерал-лейтенант И. М. Чистяков; 11-й — генерал-полковник И. Х. Баграмян, 20-ю армию возглавлял генерал-лейтенант П. А. Курочкин, танковый корпус — генерал-майор В. В. Бутков, артиллерийским корпусом прорыва командовал генерал-лейтенант М. М. Барсуков. Это были заслуженные и опытные военачальники.

Директивой Ставки от 8 октября 1943 г. фронт получил оперативную задачу и ориентировку о задачах соседних Волховского и Калининского фронтов. Общей оперативно-стратегической целью наступления всех указанных фронтов должен был явиться разгром северной группировки немецко-фашистских войск, не допуская ее отхода на Двинск и Ригу. Войска нашего Прибалтийского фронта должны были наносить главный удар в направлении на Невель, Идрицу, Лудзу, Гулбене, Валгу, имея ближайшей задачей овладение рубежом Новоржев — Опочка — Себеж, в дальнейшем — выход на рубеж Поков — Выру — Валга — Валмиера. Одновременно в наступление должны были перейти и войска Ленинградского фронта.

Группировка войск противника в полосе нашего фронта оставалась такой, как она сложилась в результате зимней кампании 1942/1943 гг. и как нас информировали штабы 22-й и 3-й ударной армий. На фронте от Локни до Невеля оборонялось восемь — десять дивизий противника, которые вели себя пассивно и за последние месяцы не предпринимали никаких наступательных действий. Местность благоприятствовала обороне и была трудной для наступления. На всех участках противник, как правило, занимал господствующие высоты и узлы дорог, создав на них сильные опорные пункты с хорошо развитой системой оборонительных сооружений. Разрывы между опорными пунктами, представлявшие обычно низкие заболоченные и лесистые участки, занимались слабыми силами, а в ряде случаев они вообще держались только под наблюдением и артиллерийско-минометным огнем.

Войска Калининского фронта после зимы 1942/1943 гг. активных наступательных действий здесь не вели. Невельская наступательная операция, проведенная 3-й армией в начале октября 1943 г., проявила обстановку только на этом ограниченном участке. В остальном при изучении обстановки пришлось руководствоваться разведывательными данными штабов 22-й и 3-й ударной армий. Сведения, которыми они располагали, в целом были утешительными для нас: оборона противника была неглубокой, наличия сильных оперативных резервов не отмечалось. По данным штаба Калининского фронта также выходило, что и к западу от Невеля, в направлении на Идрицу, у противника не было значительных сил, а оборонительные сооружения здесь были слабо развиты и как будто не могли стать серьезным препятствием при наступлении наших войск.

Словом, когда мы бегло, только по документам, знакомились с обстановкой в районах Великих Лук, Пустошки, Невеля, она представлялась нам очень оптимистической, и мы никак не предполагали, что здесь в течение всей зимы развернутся длительные бои без больших оперативных успехов для наших войск.

В октябре в штабе и у командования фронта стали возникать разные противоречивые соображения и планы. С одной стороны, Верховное командование ставило перед фронтом глубокие оперативно-стратегические задачи. Это требовало тщательной подготовки и предварительного сосредоточения всех сил фронта, прочной организации его тылов. С другой — кажущаяся слабость противника во всей нашей полосе, казалось, прямо-таки требовала немедленных действий, не ожидая сосредоточения всех сил, а директива Ставки от 8 октября прямо указывала: «Войскам Прибалтийского фронта, не ожидая окончательного сосредоточения всех сил, не позже 15 октября перейти в наступление». Из этого, конечно, вовсе не следовало, что фронт должен был вести необеспеченное наступление. Сосредоточение войск непредвиденно затягивалось, а командующий фронтом, естественно, не мог давать Ставке свои соображения о сроках наступления и масштабах возможных для фронта в данное время боевых действий.

Вместо общего наступления фронт встал на путь частных операций, не ожидая прибытия всех дивизий 6-й и 11-й гвардейских армий и частей 2-го артиллерийского и танкового корпусов.

В коротких воспоминаниях нельзя рассказать о всех таких операциях, проведенных тогда нашими войсками в районах Великих Лук, Невеля. Но с некоторыми из них мы считаем полезным познакомить читателя.

* * *

С 20 октября наш фронт стал именоваться 2-м Прибалтийским, а Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский. Граница между фронтами прошла по линии оз. Езерище — Сапроново — Сиверст.

В начале ноября 1943 г. наш фронт предпринял первую частную операцию в своей полосе силами 3-й ударной армии. В наступлении участвовали три стрелковые дивизии и две танковые бригады, усиленные армейской артиллерией. 2 ноября, после небольшой артиллерийской подготовки, части 28-й и 146-й стрелковых дивизий, наступавшие в первом эшелоне, сравнительно легко прорвали оборону противника в районе ст. Новохованск. 46-я стрелковая дивизия, находившаяся до этого во втором эшелоне, стала развивать прорыв через ст. Новохованск на Турки — Перевоз — Дербиху и дальше в общем направлении на Пустошку.

Наступление наших войск и на этот раз оказалось неожиданным для противника, и это в значительной мере предопределило первый успех. Командование 16-й немецко-фашистской армии, не имея резервов в этом районе, не могло с первых же дней серьезно противодействовать продвижению наших частей. Лесные же массивы, через которые они наступали, благоприятствовали их скрытому маневру. Наступление шло без авиационной поддержки. Не действовала и авиация противника. За несколько дней войска 3-й ударной армии сделали большую «вмятину» в обороне противника в сторону Пустошки и Идрицы и создали реальную угрозу перехвата коммуникаций врага в этих районах.

Успех наступления ограниченными силами родил у нас радужные настроения. По поручению командующего фронтом я находился в это время в войсках 3-й ударной армии и в течение нескольких дней следовал вместе с 46-й стрелковой дивизией в боевых порядках частей. Дивизия, преодолевая сопротивление слабых групп противника, продвигалась со скоростью 25—30 км в сутки. Кроме разрозненных боевых частей противника, мы встречали здесь сопротивление небольшого количества полицейских формирований, занимавшихся раньше борьбой с партизанами в лесах Невельского, Идрицкого и Себежского районов. Казалось, что все идет очень хорошо и в ближайшие дни мы овладеем районом Пустошки, через который шли коммуникации войск противника, оборонявшихся в районе Новоскольников — оз. Большой Иван. Нам было известно, что в штабе фронта уже планировали ввод войск 6-й гвардейской армии для развития наступления в общем направлении на Идрицу. Но раньше, чем это произошло, противник начал переброску резервов на участок наступления из Прибалтики.

Немецко-фашистское командование почувствовало, что дальнейшее продвижение наших войск на Пустошку может резко осложнить обстановку и стало предпринимать энергичные меры к локализации наших успехов. Сопротивление врага нарастало. Наиболее ощутимо мы стали чувствовать его после преодоления лесисто-озерных районов Усть-Долыссы, оз. Ущё, оз. Орлея, при подходе к Пустошке.

В итоге пятидневного наступления войска 3-й ударной армии освободили от немецко-фашистских оккупантов значительный район к северо-западу от Невеля и были близки к овладению станцией Пустошка. С северного берега озера Жадро мы с командиром 46-й стрелковой дивизии видели уже дымки на станции и верили, что в ближайшее время будем там. А с овладением станцией и ее районом нам представлялся неизбежным отход противника и из районов Новоскольников, Маево, Невель.

Но нашему желанию не суждено было осуществиться. Резервы противника подошли раньше, чем смогли усилиться наши наступающие войска. Наше продвижение остановилось. В ходе наступления 3-я ударная армия не расширила прорыв в районе Невеля к северу, а к югу от Невеля этого не сделали войска 4-й ударной армии соседнего фронта. Вследствие этого к югу от Невеля образовалась «горловина» шириной всего в 12—13 км. Она простреливалась артиллерийским и минометным огнем противника с двух направлений, а через нее шло снабжение и передвижение войск двух наших армий общим количеством до полутора десятков дивизий. Граница между армиями проходила примерно по центру «горловины». Эта же линия являлась и границей между 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами. Таким образом, ответственность за «горловину» несли армии двух разных фронтов, а это вносило большие трудности в управление движением транспортов через нее.

Вскоре немцы предприняли попытки сузить эту «горловину» и окружить наши части, находившиеся севернее нее, а это уже находилось в полном противоречии с прежними прогнозами, рассчитанными на отход противника из этих районов. Положение войск 3-й и 4-й ударных армий, вклинившихся в расположение противника, осложнялось осенней распутицей, которая вконец испортила проселочные дороги.

Остроту обстановки в районе «горловины» учло командование нашего фронта. Сюда была подтянута часть резервных соединений 6-й гвардейской армии, а в самой «горловине», на шоссе Невель — Полоцк, в деревне Дубище было размещено ВПУ фронта под моим руководством. Конечно, ВПУ не было боевым подразделением, но его нахождение в таком месте укрепляло уверенность войск 3-й ударной армии в том, что командование фронта хорошо знает обстановку и уверено в прочности положения.

Деревня Дубище была чистеньким населенным пунктом. Все дома и постройки в ней были целыми, а жители выселены в тыл. Работники ВПУ неплохо чувствовали себя в этой деревне и на праздник 7 ноября даже пригласили к себе в гости командующего фронтом генерала М. М. Попова и члена Военного совета генерала Л. З. Мехлиса.

Вечером 6 ноября командование фронтом подробно ознакомилось с обстановкой в нашем «выступе» и с положением 3-й ударной армии в районе Пустошка — Идрица. После этого мы обменялись соображениями о вариантах возможного продолжения наступления этой армии, отметили канун наступления 26-й годовщины Октябрьской революции и поздно разошлись на отдых. Но отдых оказался относительным. Рано утром 7 ноября противник начал сильный артиллерийский обстрел нашего пункта управления. Мы потеряли несколько офицеров оперативного управления и были вынуждены просить фронтовое начальство, на всякий случай, покинуть этот район.

После обстрела в этот и последующие дни начались атаки противника против флангов 3-й и 4-й ударных армий. Наши части упорно сопротивлялись, но тем не менее противнику удалось сократить невеликую «горловину» еще на 3—4 км. Связь и снабжение войск 3-й и 4-й армий стали совсем трудными. Вместо наступления мы были вынуждены отбивать контратаки противника. В бой были введены одна танковая бригада и некоторые стрелковые и артиллерийские части, которые задержали наступление противника, сорвав его план ликвидации «горловины». Его резервы в боях были обескровлены и он отказался от активности. Но и темпы выполнения тех задач, ради которых создавался наш фронт, были замедлены. Вряд ли бы это случилось, если бы наступление было предпринято более сосредоточенными силами.

Каким бы не был исход нашего первого наступления в Невельском районе, он резко изменил обстановку на этом направлении. Прежняя тишина сменилась оживленными боевыми действиями. Советские войска провели несколько частных наступательных операций, а войска противника предпринимали непрерывные контратаки, чтобы не допустить продвижения наших частей. Наступательные действия наших войск имели здесь не только тактические успехи, но и привели к серьезным оперативным результатам. Они привлекли внимание и силы немецкой группы армий «Север» к Невельскому

направлению. И это было вполне естественно. Продвижение войск нашего фронта создавало серьезную угрозу глубоким тылам немецких войск, находившихся под Ленинградом, Псковом и Новгородом. Чтобы укрепить свое общее положение в Прибалтике, противник был вынужден начать переброску войск в полосу нашего фронта к Невелю, Идрице, Пустошке. За октябрь — декабрь 1943 г. на направлениях нашего фронта заново появились 290, 81, 239, 218, 24, 30, 132 и 31-я дивизии противника, снятые с других направлений Прибалтики, в частности из полосы наших Ленинградского и Волховского фронтов. Конечно, это осложняло задачи нашего фронта, но бесспорно облегчало положение Ленинградского и Волховского фронтов, ближайшей задачей которых являлся разгром Ленинградской группировки врага и полное освобождение Ленинграда от блокады.

В этом проявились положительные результаты наступательных действий войск нашего фронта, хотя их конечными итогами мы не были удовлетворены. Мы только привлекли на себя крупные силы противника, но не разгромили их и даже не создали выгодного оперативного положения для последующих наступательных действий. Значительные силы наших 3-й и 6-й армий крепко «завязли» в лесисто-болотистой и озерной местности юго-восточной части Псковской области в районе Насва — Новосокольники — Пустошка. Правда, в районе Невеля мы добились ликвидации выступа противника и отбросили его войска из этого района, но эти результаты не могли удовлетворить ни Ставку, ни нас самих.

* * *

Вначале казалось, что наше положение резко изменится к лучшему, когда в дело будут введены все силы фронта. Большинство дивизий 3-й и 6-й армий сохраняло свою боеспособность, а 11-я гвардейская армия вся целиком еще не принимала участия в операциях. В эти предположения крупные коррективы внесли распоряжения Ставки. В конце ноября 1943 г. 11-я гвардейская армия была передана в состав 1-го Прибалтийского фронта. 20-я армия после передачи части дивизий в состав 3-й ударной армии была расформирована, а управление армии было выведено в резерв Ставки. Из состава фронта выбыли генерал-полковник И. Х. Баграмян, назначенный командующим 1-м Прибалтийским фронтом, и генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, принявший от Баграмяна 11-ю гвардейскую армию. Уход 11-й гвардейской армии снижал боевые возможности нашего фронта.

* * *

Начало 1944 г. существенно изменило наше положение. Ставка Верховного Командования на январь 1944 г. намечала крупные операции. Главной задачей был разгром немецких войск под Ленинградом. Наш фронт должен был содействовать выполнению этой задачи привлечением на себя возможно более крупных сил противника. Придавая действиям нашего фронта большое значение, Ставка усиливала его 10-й гвардейской армией.

Войска армии еще сосредоточивались в районе Невеля, а ее командарм генерал-лейтенант А. В. Сухомлин вместе с новым командармом 3-й ударной генералом Н. Е. Чибисовым уже 5 января на совещании у командующего фронтом получили задачу по подготовке к наступлению. Им были указаны только ближайшие задачи: 3-я ударная армия должна была овладеть районом Пустошки, 10-я гвардейская армия — районом Идрицы.

Командование фронтом явно спешило с началом наступления. Готовность к наступлению 3-й ударной армии была установлена на 9 января, 10-й гвардейской армии — 10 января. Это были нереальные сроки. Особо отрицательным было то, что 10-я гвардейская армия должна была вводиться в операцию частями, по мере подхода ее корпусов и дивизий.

10 января должны были начать наступление только части 7-го гвардейского стрелкового корпуса, закончившие сосредоточение раньше других корпусов. Вслед за ними предполагалось ввести части 19-го и 15-го гвардейских корпусов, прибывавших в район операции через несколько дней.

В связи с настоячивыми просьбами командармов, командующий фронтом М. М. Попов перенес срок наступления на 12 января. Нашим войскам удалось добиться лишь небольших тактических успехов, а их дальнейшее продвижение было остановлено огнем противника.

Как известно, операции Ленинградского и Волховского фронтов прошли с большим успехом. Из полосы нашего фронта противник не смог перебросить против них крупных сил. Следовательно, наш фронт в целом выполнил свое назначение, но его собственные действия протекали в очень тяжелых условиях.

* * *

После январских операций мне было предложено вступить в командование 10-й гвардейской армией.

В качестве заместителя командующего фронтом я был связан с большим масштабом работы и был участником разработки почти всех планов фронтовых операций. Но это все же не была самостоятельная работа; когда операция начиналась, я, по существу, превращался в контролера выполнения указаний фронта армиями или выполнял отдельные указания командующего фронтом на том или ином участке операции.

Работа командующего армией была более самостоятельной и в то же время более ответственной. С этой точки зрения, новое назначение было для меня более приемлемым и лестным, тем более, что я должен был принять не простую, а гвардейскую армию.

Армия — громадный живой организм, и успешное управление ею в огромной степени зависит от того морального авторитета, который имеет командующий армией во всех звеньях управления армией и у всего ее личного состава. А удастся ли мне быстро завоевать авторитет армии, только что прибывшей с другого фронта?

Но приказ есть приказ и я прежде всего поблагодарил командующего фронтом за оказываемое мне доверие. Начальником штаба армии я просил назначить хорошо знакомого мне по работе в управлении фронтом генерал-майора Н. П. Сидельникова. Эта просьба была удовлетворена. Утром 21 января я простился с работниками фронтового управления и выехал к месту новой службы.

В ходе январской операции мне приходилось уже много раз бывать в войсках 10-й армии и видеть ее дивизии в боевой работе, знакомиться с аппаратом армейского управления, начальниками родов войск, поэтому принятие командования армией не заняло много времени.

10-я гвардейская армия включала в себя девять дивизий, объединенных тремя корпусными управлениями. Она сложилась в основном из соединений 5-й и 30-й армий, завоевавших высокую боевую репутацию еще в боях зимой 1941/1942 гг. под Москвой. Соединения армии имели хороший личный состав и прочно сложившиеся штабы.

У меня складывалось твердое убеждение, что эта армия способна выдержать огромное боевое напряжение, если только будет правильно нацелена командованием фронта и хорошо управляема. Оставалось только работать, добываясь того и другого.

В двадцатых числах января были прекращены боевые действия наших войск в районе оз. Свибло, а штаб фронта уже планировал проведение наступления в новом районе.

Днем 25 января 1944 г. М. М. Попов лично ориентировал командующих армиями об основном плане новой операции фронта. Операция предпринималась в связи с уже

начавшимся наступлением Ленинградского и Волховского фронтов. На первом этапе операции 2-й Прибалтийский фронт должен был разгромить новосокольническую группировку противника и главными силами трех армий выдвинуться в район восточнее озер Ущё, Алле, Большой Вяз. Таким маневром сильная группа наших войск «обходила» войска противника, действующие в районе Пустошка — Идрица. С выходом в указанный район мы получали довольно благоприятную возможность для последующего развития наступления в общем направлении на Опочку по местности, более доступной, чем на направлении Невель — Идрица. Как по своему замыслу, так и по составу войск эта операция существенно отличалась от всех предыдущих операций 2-го Прибалтийского фронта.

10-я гвардейская армия в этой операции выполняла главную задачу фронта. Для этого она усиливалась двумя стрелковыми корпусами двухдивизионного состава каждый, 2-м артиллерийским корпусом в составе 20-й и 27-й артиллерийских дивизий, 6-й гвардейской противотанковой бригадой, одной минометной бригадой и четырьмя полками гвардейских минометов. В состав армии передавались также две танковые бригады (29-я и 78-я) и три отдельных танковых полка.

Таким образом, армия должна была вести операцию, имея в своем составе четырнадцать стрелковых дивизий и крупные части артиллерийского и танкового усиления. Вполне естественно, что управлять такой армией, и особенно в условиях лесисто-болотистой местности, было сложным делом, тем более что не все силы армии были одинаковой боеспособности. Так, например, две дивизии вновь получаемого армией 96-го стрелкового корпуса, находившиеся в обороне в новой полосе армин, были крайне малочисленны и непригодны для решения активных наступательных задач.

Директива фронта, полученная штабом армии вечером 25 января, конкретизировала дневные указания командующего фронтом. 10-я гвардейская армия должна была прорвать оборону противника на участке Шишерино, Антоново (южнее шоссе Новосокольники — Маево) и, имея ближайшей задачей выход на рубеж совхоз Минкино — Яковцево — Ситьково — Руново, вклиниться в систему обороны противника на глубину 35—40 км. Из района южнее Насвы навстречу нашим войскам армии должно было наступать несколько дивизий 22-й армии. Левее в общем направлении на Маево и далее в северном направлении восточнее р. Великая должна была наступать 6-я гвардейская армия.

Задача армии была сложной, а сроки подготовки (5—6 суток), особенно если учесть, что для наступления в новом направлении войска армии должны были совершать перегруппировки на расстоянии в 50—70 км, были крайне ограниченными. Я не могу поставить это себе в заслугу и в заслугу вновь назначенному начальнику штаба армии Н. П. Сидельникову, но вся подготовительная работа к операции, несмотря на короткие сроки, была проделана четко и организованно. Здесь сказались прежде всего прежняя слаженность и опыт работы всей системы штабов армии. Особенно хорошо прошли, благодаря четкой работе офицерских комендантских постов, перегруппировка и переход в новые районы главных сил армии. К тому же в сложных условиях.

Больше недели стояла неожиданно наступившая оттепель. Проселочные дороги стали труднопроходимыми, а все лощины наполнились водой. В некоторых дивизиях дополнительные трудности внесла интендантская служба: не предвидя такой «шутки» природы, она незадолго перед этим весь личный состав обеспечила валенками, а сапоги и ботинки положила на склады.

Все марши войск проводились ночами. Днем солдаты отдыхали, приводили себя в порядок и просушивали обувь. Командиры корпусов, дивизий, начальники штабов и командующие родами войск в это время уже напряженно работали на местности, уточняя боевые задачи и решая все практические вопросы по организации взаимодействия родов войск.

Во время подготовки наступления нам удалось довольно подробно изучить противника, его группировку и характер обороны на рубеже южнее шоссе и железной дороги Новосокольники — Маево. Тактическая глубина обороны была примерно 4—6 км. Вторая ее полоса была подготовлена к северу от железной дороги Новосокольники — Маево. Вся оборона состояла из хорошо подготовленной системы сильных узлов сопротивления, основой которых были населенные пункты и высоты, господствующие над окружающей местностью.

Наша разведка установила, что первую полосу обороны противника на участке наступления армии занимали части 83-й и 23-й пехотных дивизий, 14-й штрафной батальон и один сводный рабочий батальон. Штатная артиллерия двух дивизий противника состояла, примерно, из 40 батарей. Оперативными резервами в глубине обороны в полосе нашей армии немцы не располагали.

Получалось, что мы имели значительное превосходство над противником как по огневым средствам, так и по ударной силе: против двух с небольшим дивизий противника мы развернули только в первом эшелоне шесть дивизий, против 12—15 орудий и минометов на 1 километр фронта мы развертывали артиллерийскую группировку с плотностью до 180 артиллерийских и минометных стволов на километр фронта (считая от 76-мм калибра и выше).

В ходе всей работы по подготовке наступления мы уточнили задачи дивизиям, отработали вопросы взаимодействия стрелковых полков с артиллерией и танками и окончательно определили участки прорыва и полосы наступления корпусам и дивизиям.

Одновременно с окончанием работы на местности командиров полков и батальонов 29 января в полосе армии проводилась разведка боем на трех направлениях, которая была выполнена весьма успешно. Допрос захваченных пленных не только подтвердил группировку противника, известную нам по другим данным, но и показал, что противник не ожидает нашего наступления.

30 января мы провели общую проверку готовности к наступлению, уделяя особое внимание организации взаимодействия в атаке пехоты и танков и их тщательной артиллерийской поддержке на всех этапах боя. Проверку проводили командиры корпусов и дивизий, а также командующий армией и командующие родами войск армии. Поскольку проверка подтвердила полную готовность частей к предстоящим действиям, войска в ночь с 30 на 31 января начали занимать исходное положение для наступления без противодействия со стороны противника.

Казалось, что все что можно было предусмотреть, предусмотрено нами при подготовке наступления. Можно было выразить только удовлетворение слаженностью работы армейского управления, которое я только что принимал. И тем не менее последняя январская ночь (с 30 на 31-е) у нас, в штабе армии, была крайне беспокойной. Лично я много раз за ночь перебирал в памяти все, что было сделано в войсках за последнюю неделю мною и работниками штаба. Перед глазами вставали то один, то другой участок полосы предстоящего наступления, то одно, то другое соединение, в которых пришлось побывать за последние дни. Кажется, что все в порядке. Пытаюсь заснуть и не могу... Мысленно переношу себя в 15-й гвардейский корпус. 30 января я сам проверял готовность к наступлению его частей. Тогда у меня не было никаких замечаний по готовности дивизий первого эшелона корпуса: 30-й — под командованием полковника М. А. Исаева и 85-й — под командованием генерал-майора Басана Городовикова. Не было сомнений и в том, что опытный боевой командир корпуса генерал Хорунженко вовремя введет к бой свой второй эшелон — 29-ю гвардейскую дивизию, а командир этой дивизии генерал-майор Андрей Стученко сумеет развить успех и поведет быстрое наступление навстречу войскам 22-й армии. Вставал вопрос — а как пойдет наступление на левом фланге у Городовикова? Все ли указания выполнены там по организации взаимодействия с частями соседнего корпуса в районе Дворец и особенно по наступлению в районе высоты 199,7? Как бы не переоценил свои успехи и не успокоился излишне и мой старый товарищ и сослуживец командир 7-й гвардейской стрелковой дивизии генерал майор Михаил Москалик после успешного боя 29 ян-

варя только одного батальона его дивизии, захватившего высоту 219,1? Не отдал ли эту высоту противник умышленно, чтобы ввести нас в заблуждение? Я хорошо знаю генерала Москалика. Он мой старый товарищ, награжден орденом Красного Знамени еще в годы гражданской войны, когда такие награды были очень редкими. От сабельного удара шашки басмача у него глубокий шрам на щеке и поврежден глаз. На него можно положиться, кажется, но все-таки... проверка готовности к наступлению нужна даже в отношении такого товарища как Михаил Москалик. Сомнения за Москалика сменяются беспокойством за крайний левый фланг армии... А как пойдет дело у полковника Колобугина, командира 56-й гвардейской стрелковой дивизии? Эта дивизия имеет очень глубокое построение боевых порядков и весьма узкую полосу наступления. Как она сумеет развернуть свои действия в этой узкой полосе? Да и правильно ли мы сделали вообще, придав такое глубокое построение дивизиям, которое приемлемо при прорыве плотной позиционной обороны противника и вовсе не обязательно при такой сравнительно жидкой обороне, какая сейчас есть у противника, и при нашем огромном артиллерийском превосходстве? Пожалуй, глубокое построение этой дивизии станет особо опасным, если ее левый фланг подвергнется огневому нападению со стороны господствующей в этом районе высоты 231,7 (что в полосе нашего соседа) — или из района островов, что в южной части оз. Спастер, если части соседа почему-либо будут отставать от продвижения 56-й гвардейской дивизии. Хочу верить, что такой неприятности не получится и успокаиваю себя на том, что все будет хорошо.

Ночь на исходе... Скоро утро! Сна совсем не было, но пора двигаться на свой наблюдательный пункт.

Отдохнем после, в следующую ночь, если день будет успешным. А он должен быть успешным!

* * *

Рано утром 31 января мы начали артподготовку наступления. Одновременно началась артподготовка и в полосе нашего соседа слева — 6-й гвардейской армии. Наше крупное артиллерийское превосходство сказалось быстро. Противник понес серьезные потери в живой силе и технике. Его огневые средства были полностью подавлены. Особой похвалы заслуживала работа артиллеристов контрбатарейной группы под руководством полковника Касперского. В ней было не менее 200 артиллерийских стволов калибров 152 и 122 мм. За три огневых удара они положили в среднем по 150—160 снарядов на каждую вражескую батарею. Эффект этих ударов был исключительный: батареи противника молчали весь первый день нашего наступления, а продвигавшиеся вперед стрелковые части находили на огневых позициях противника подбитые орудия и уничтоженные артиллерийские расчеты. За первые дни наступления войсками нашей армии было захвачено 135 орудий противника, т. е. практически почти вся артиллерия, которую он имел в полосе нашей армии перед наступлением.

Мне много раз приходилось участвовать в наступательных операциях в 1942—1945 гг., но такой чистой эффектной работы нашей артиллерии по подавлению батарей противника я больше не встречал. Как не скажешь за это и сейчас, четверть века спустя, большое спасибо всему личному составу артиллерийских частей и их начальникам, участвовавшим в этом деле!

Успех артиллерийской подготовки обеспечил успешное начало наступления армии в целом. В первый же день, 31 января, была преодолена тактическая глубина обороны противника во всей полосе наступления. Наибольший успех был достигнут в полосе 15-го гвардейского корпуса: его 30-я и 85-я дивизии, наступавшие в первом эшелоне, за день боя продвинулись на глубину до 6 км и пошли к шоссе на дороге Новоскольники — Маево. Несколько меньший успех имели части 7-го и 19-го гвардейских корпусов, но и они за первый день наступления преодолели тактическую глубину обороны противника. В последующие два дня части 15-го гвардейского корпуса опять наступали более успешно, чем другие дивизии. За три дня они продвинулись на 10—12 км, т. е. преодолели всю первую полосу обороны противника, а на ряде участков овладели и второй оборонительной полосой.

7 февраля наша 29-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием энергичного генерал-майора Андрея Стученко сделала хороший рывок навстречу 22-й армии. Овладев совхозом Минкино, она встретилась с частями этой армии в 22 км северо-западнее Новосокольников. Согласованные действия 22-й и 10-й гвардейской армий заставили противника поспешно очистить новосокольнический выступ. Наш 96-й корпус занял Новосокольники, а главные силы армии вышли севернее дороги Новосокольники — Маево, выполнив свою ближайшую задачу.

На этом, собственно, следовало бы прекратить данную наступательную операцию войск 2-го Прибалтийского фронта, начав подготовку новой, ибо продолжение наступления по прежнему плану делалось безнадежным. В самом деле, что получилось к 7 февраля из большого замысла фронтовой наступательной операции? Из трех армий фронта, начавших наступление 31 января, после 7 февраля могла по-настоящему действовать только одна 10-я гвардейская армия. Малочисленные дивизии 22-й армии тоже выполнили ближайшую задачу, но они не были способны на дальнейшее продвижение, их нужно было пополнять и восстанавливать. Войска 6-й гвардейской армии не сумели преодолеть зоны тактической обороны противника. Они с первых дней операции не оказывали никакого воздействия на противника. Из полосы этой армии противник уже перебрасывал часть своих сил на борьбу с 10-й гвардейской армией.

Нам было хорошо известно, что к этому времени уже было закончено наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов. Следовательно, отпала и одна из главных целей нашей операции — удержать перед собой войска 16-й армии противника, не дав возможности немецкому командованию перебросить их на Ленинградский и Волховский фронты.

10 февраля 6-я гвардейская армия по директиве Ставки переходила из состава 2-го Прибалтийского фронта в 1-й Прибалтийский фронт, главные усилия которого лежали на его левом крыле. Не имея прочного обеспечения 10-й армии ни справа, ни слева, 2-й Прибалтийский фронт не мог рассчитывать силами лишь одной этой армии добиться крупных оперативных успехов. Но тем не менее наступление продолжалось. Фронт требовал от армии продвижения вперед.

Мы несколько раз меняли направление главных ударов своих корпусов и дивизий в поисках или более слабых участков в обороне противника, или более удобных для продвижения по условиям местности.

На этих участках мы проводили ускоренную подготовку к наступлению. В первый день мы обычно добивались небольших тактических успехов, продвигаясь на несколько километров вперед. Но недостаток боеприпасов и отсутствие средств развития успеха не позволяли нашим частям преодолевать огневое сопротивление противника в глубине его обороны. Они оказывались вынужденными останавливаться перед новыми узлами сопротивления, чтобы в последующий день заново готовить бой. За пять дней с 10 по 14 февраля войска армии продвинулись всего на 4—6 км.

16 февраля решением командующего фронтом наступление наших войск было прекращено.

* * *

Полмесяца войска нашей армии вели напряженные наступательные бои против частей 16-й немецко-фашистской армии. По времени это наступление совпадает с завершением успешных операций войск Ленинградского и Волховского фронтов по освобождению Ленинградской и Новгородской областей и разгрому 18-й вражеской армии. К 15 февраля войска Ленинградского фронта вышли на рубеж р. Нарва, а войска Волховского фронта на линию оз. Черное (75 км севернее Пскова) — западный берег оз. Ильмень.

Территориально успех войск нашего 2-го Прибалтийского фронта в этот период был меньше, чем Ленинградского и Волховского фронтов, но тем не менее в успехи

последних существенный вклад внесли и войска нашего фронта. В 4-м томе «Истории Великой Отечественной войны» (стр. 46) говорится: «...Войска 2-го Прибалтийского фронта продолжали вести наступательные действия западнее города Новосокольники, приковывая к себе главные силы 16-й армии противника».

В целом эта оценка, безусловно, справедлива.

Но мы, участники этих боевых действий войск 2-го Прибалтийского фронта, более самокритично рассматривали скромные результаты наступления наших войск и не удовлетворялись ими, хотя и то территориально ограниченное продвижение, какого добилась наша армия в первой половине февраля 1944 г., имело немаловажное значение.

Нет сомнения, что в итоге проведения этой наступательной операции общее оперативное положение наших войск в районе Новосокольники — Невель — Великие Луки значительно улучшилось, мы получили хорошие коммуникации, связывающие наш фронт с войсками, наступавшими из района Холм на Новоржев. Выдвижение наших войск на линию Насва — оз. Язно создавало серьезную угрозу холмской группировке 16-й армии противника, оборонявшейся по линии (даю слева направо): Насва — Шипово — 30 км ю.-в. Локня — Селебино (Подберезье) — Лазарево — Холм. Эта угроза вынудила противника ускорить отвод войск из района Холма на более западный оборонительный рубеж по линии Новоржев — оз. Алле — оз. Язно.

В результате одновременных боевых действий Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов советские войска в зимнюю кампанию 1944 г. добились на северо-западном участке фронта больших успехов. Немецко-фашистские захватчики потерпели сокрушительное поражение под Ленинградом и Новгородом, а их мощная, глубоко эшелонированная оборона (так называемый «Северный вал»), которую они готовили более двух лет, рухнула под натиском наших войск. Наступая в исключительно трудных природных условиях и при крайне неблагоприятной погоде, советские войска отбросили врага на 220—280 км от Ленинграда, с которого была окончательно снята блокада, освободили почти всю Ленинградскую область и часть Калининской, вступили в пределы Советской Эстонии. Были созданы благоприятные условия для проведения последующих успешных операций в Карелии и Советской Прибалтике.

